

К-55

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

На правах рукописи

КОЧАРЯН ГАЯНЭ ГРИГОРЬЕВНА

УДК 902.6(47.925)

ДВИН В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Исторические науки 07.00.06 – Археология

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

ЕРЕВАН – 1984

Работа выполнена в секторе античной археологии Института археологии и этнографии АН Арм.ССР

Научный руководитель – кандидат исторических наук
Г.А.Тирацян

Официальные оппоненты:

1. Доктор исторических наук Г.А.Кошеленко
2. Кандидат исторических наук Ю.М.Гагошидзе

Ведущая организация – кафедра археологии и этнографии исторического факультета Ереванского государственного университета

Защита состоится "28" февраля 1984 г. в 14⁰⁰ часов на заседании специализированного совета Д 005.03.01 при Институте археологии и этнографии АН Арм.ССР. Адрес: 375025, Ереван, ул.Чаренца, 15.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института археологии и этнографии АН Арм.ССР.

Автореферат разослан "23" января 1984 года

Ученый секретарь специализированного совета, кандидат исторических наук

Г.О.Карахянян

*Г.О. Карахянян
ученый секретарь
14.02.1984*

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность проблемы. Работа посвящена исследованию материальной культуры поселения Двина в античную эпоху. Античный Двин формировался в тот период, когда воспринявшая эллинистическую цивилизацию Армения вместе с другими переднеазиатскими странами вступила в рабовладельческий период своего развития. Материальная культура Двина античной эпохи своеобразно отразила в себе специфические черты данного исторического периода Армении, исследование которых будет способствовать дальнейшему изучению истории и культуры эллинистической Армении. Античная культура Двина является еще одним примером сочетания традиционновосточного и западно-эллинистического, в котором проявляется местное своеобразие и особенности развития этой культуры.

Важность изучения поселения Двина рассматриваемого периода обусловлена актуальностью современных задач развития античной археологии Армении. На современном этапе развития археологии античной Армении, когда исследуются такие важнейшие центры этой эпохи, как Арташат, Армавир, Гарни, особое значение приобретают археологические раскопки Ширакавана, Карчахбюра, Мохраблур, Шамирама, Авана, Двина и других поселений. Благодаря раскопкам выявляется характер указанных поселений, их роль в социально-экономической, культурной и политической жизни, что, в свою очередь, способствует глубокому и всестороннему исследованию жизни страны в изучаемый период.

Основные задачи и цель работы. Цель работы – выявить структуру материальной и духовной жизни Двина в античную эпоху, проанализировать процесс развития и важнейшие этапы истории исследуемого поселения, его характер и роль в жизни страны, политическую судьбу. В этом контексте рассматривается возникновение Двина на перепутье между двумя царскими резиденциями – Арташатом и Гарни. В задачи работы входит также рассмотрение на основе недавно обнаруженных материалов ряда по сей день проблематичных вопросов, связанных с жизнью поселения. С этой целью в диссертации приводятся результаты археологического изучения поселения, некрополя и окружающей местности, анализиру-

ются материалы, относящиеся к различным отраслям материальной культуры и связанные с экономической структурой и производственной деятельностью поселения /архитектурные фрагменты, керамика, стеклянные изделия, украшения, глиптика, монеты, памятники культурного характера, гончарные круги, каменные ложа для выжимания винограда (тараканы), зернотерки и т.д./. В свете данных археологических раскопок вновь анализируются письменные источники, что дает возможность сделать ряд интересных выводов.

Методологическая основа. Для разработки рассматриваемых в работе проблем основополагающее значение имеют труды классиков марксизма-ленинизма, неоднократно обращавшихся в своих произведениях к вопросам культуры античного мира.

Научная новизна. Диссертация представляет собой первое целостное исследование, посвященное изучению материальной культуры античного периода Двина. В ней вводится в научный оборот весь археологический материал, относящийся к античной эпохе и обнаруженный в период с 1937 г. по настоящее время, который обобщается и получает должное освещение на основе новых результатов, полученных диссертантом за последние годы раскопок в Двине. Анализ вышеуказанных материалов проводится со строгим учетом стратиграфических данных, на основе применения сравнительно-типологического метода, что позволяет определить хронологические рамки исследуемого периода культуры Двина, выявить этапы ее развития, сопоставить исследуемый материал с аналогичными материалами памятников Армении и античного мира, воссоздать облик эллинистического поселения исследуемого периода. В работе впервые предпринимается попытка сопоставить содержащиеся в древнеармянских и греко-римских письменных источниках сведения о Двине с археологическими данными, нередко с привлечением этнографических и фольклорных материалов, представить жизнь античного поселения Двина во всей динамике его исторического развития. Подобное исследование археологического материала Двина античной эпохи создает предпосылки для выявления культурно-исторических связей Армении с переднеазиатскими, в особенности иранскими и, в некоторой степени, также греко-римскими регионами.

Практическое значение. Настоящая работа, помимо научно-теоретического значения, имеет практическую ценность. В пособиях, посвященных изучению истории и археологии Армении, Двин до сих пор рассматривался в основном как крупный средневековый город. Однако результаты настоящей работы позволяют представить Двин также как поселение эллинистической эпохи со своим некрополем и развитой материальной культурой, пополняя и обогащая наши знания об истории древнего городища Двина и одновременно являясь новым свидетельством непрерывности развития культурной жизни на территории Армянского нагорья. В музейных экспозициях найденные в Двине материалы античного периода составят отдельное собрание со своей определенной датировкой. Выявление античного слоя Двина может способствовать исследованию истории династии Арташесидов и Аршакидов в изданиях по истории армянского народа. Наконец, в работах энциклопедического характера в статьях под термином "Двин" могут быть использованы результаты изучения поселения античной эпохи для более полной характеристики древнего городища.

Апробация работы. Представленная диссертационная работа обсуждалась на объединенном заседании отделов археологии античной и средневековой Армении Института археологии и этнографии АН Арм.ССР. Основные положения исследования и новые археологические материалы были опубликованы в республиканских академических изданиях, а также доложены на 14-й Международной конференции античников социалистических стран "Эйрене" /Ереван, 1976/, научных сессиях, посвященных результатам полевых археологических работ в Армянской ССР /Ереван, 1979, 1983/, и конференции молодых ученых Института археологии и этнографии АН Арм.ССР, посвященной 110-летию со дня рождения В.И.Ленина /Ереван, 1980/.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического указателя, списка сокращений, иллюстраций.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении дается общая характеристика работы, обосновывается актуальность темы, цель и задачи диссертации, определя-

ется научно практическое значение исследуемых материалов. Дается обзор источников и излагается история археологического изучения исследуемого памятника. В хронологической последовательности рассмотрены и обобщены все исследования, имеющиеся по данному вопросу /К.Г.Кафадарян, В.М.Арутюнян, М.В.Минорский, С.Т.Еремян, А.А.Калантарян и др./.

Глава I. Поселение и некрополь Двина эллинистической эпохи.

Развалины Двина - средневековой столицы Армении, крупного административного, экономического и историко-культурного центра находятся в Арташатском районе Армянской ССР. Цитадель средневекового города была расположена на искусственном холме, занимающем в этом районе Араратской долины господствующее географическое положение. С запада к цитадели примыкает так называемый центральный квартал - культовый центр города со светскими и церковными сооружениями. Собственно городские кварталы занимали территорию, на которой ныне находятся современные села Айгестан, Бердик, Верхний Арташат, Норашен, Верхний и Нижний Двин, Гнаберд. Исследование изучаемого слоя, естественно, начинается с холма, где установлена следующая последовательность археологических слоев: средневековый (IV-XIII вв.), античный (II-I вв. до н.э.), периода раннего железа и поздней бронзы (X-VIII вв. до н.э.) и, наконец, периода ранней бронзы (III тысячелетие до н.э.).

Работы по выявлению стратиграфической картины памятника, проводимые в течение длительного времени, показывают, что между слоями, относящимися к средневековью и периоду раннего железа, четко выделяется простирающийся по всей поверхности холма эллинистический слой, насыщенный золой, обгоревшими кирпичами, черепками расписной керамики, а также отдельными архитектурными фрагментами. Однако мощность и характер рассматриваемого слоя были выявлены лишь благодаря археологическим работам последних лет. На некоторых участках, где мощность эллинистического слоя достигает 1,5 м, прослеживается вся динамика развития жизни поселения в этот период. Интересны в этом аспекте результаты раскопок архитектурного комплекса рассматриваемого периода, занимающего территорию в 210 кв.м и расположенного между находящимися на вершине холма в цитадели раннесредневе-

ковым тронным залом Аршакидов (IV-V вв.) и постройкой, относящейся к V-VI вв. Благодаря археологическому исследованию этого участка был выявлен стратиграфический переход от раннесредневекового слоя непосредственно к предшествующему - эллинистическому. Здесь обнажены важнейшие стратиграфические узлы (каменные фундаменты и нижние части стен эллинистического сооружения заходят непосредственно под раннесредневековые здания), которые предоставили возможность провести разграничение между двумя различными строительными и культурными периодами. Торовидные базы, обнаруженные в восточной части комплекса на нижнем глиняном полу (между совпадающими как по размерам, так и по использованной строительной технике каменными фундаментами) на расстоянии 3 м друг от друга и 2,5 м от стен, представляют собой часть небольшого зала с колоннами. К последнему, вероятно, примыкали с запада другие постройки, от которых сохранились каменные фундаменты и нижние части стен, а также две торовидные базы. Рассматриваемое сооружение не оставляет целостного впечатления, однако планировочная композиция отдельных его частей, базы колонн, гладкотесаные плиты из белого песчаника, а также богатая расписная керамика свидетельствуют о существовании на вершине холма важного строительного комплекса, относящегося к эллинистическому периоду. При строительстве применялась характерная для данной эпохи техника. Каменные фундаменты, выложенные из необработанного речного камня средних размеров на глиняном растворе, ранее несли кладку из сырцового кирпича. Не исключено также существование каменных стен, а плиты из белого гладкотесаного песчаника свидетельствуют о наличии монументальных сооружений. Открывшиеся при раскопках глиняные полы утрамбованы и сглажены.

В работе специально рассматривается вопрос хронологии и культурно-исторической принадлежности торовидных баз, обнаруженных на территории цитадели и ее окрестностей. Армения представляет собой одно из важнейших звеньев того обширного региона Малой и Центральной Азии, в котором рассматриваемый тип баз получил широкое распространение. Последние широко применялись и в раннем средневековье (Двин, Звартноц, Егвард). Открытие торовидных баз в Двине свидетельствует о существовании колон-

ных сооружений.

Представления о Двине античной эпохи дополняются результатами исследования центрального квартала. Раскопки и стратиграфические наблюдения, проведенные в центральном квартале за последние годы, впервые выявили культурный слой, относящийся к эллинистической эпохе, который находится между раннесредневековым (IV-V вв.) и доурартским (X-III вв. до н.э.) слоями, а также подтвердили существование синхронного некрополя. Благодаря сохранившимся строительным остаткам и архитектурным фрагментам установлено существование здесь построек эллинистического времени.

Некрополь Двина состоит исключительно из карасных погребений, исследование которых выявляет тесные связи с однотипными погребениями эллинистической эпохи Арташата и Гарни. Для карасных погребений Двина характерно скорченное положение покойника, обкладывание караса камнями, обязательно закрытое каменной плитой или каким-либо сосудом горлышко караса, наличие толстого слоя золы, богатого костями животных, что свидетельствует о тождестве религиозного мировоззрения, верований и погребальных обрядов жителей поселения с таковыми в Арташате и Гарни. Карас закапывали обычно в горизонтальном положении, реже - в вертикальном. Примечательно также сходство инвентаря погребений во всех трех некрополях (карасов без инвентаря мало). Среди погребального инвентаря, обнаруженного в этих памятниках, выделяются разнообразием форм коллекции украшений и керамических изделий (фляги, миски, чаши, горшки с одной или двумя ручками и т.д.). Археологический анализ погребений Двина, Арташата и Гарни позволяет считать, что это были рядовые погребения. В пользу этого говорит и факт широкого использования уже употребленных в хозяйстве, часто непригодных керамических сосудов, отсутствие предметов, специально изготовленных для погребального обряда, однообразие инвентаря. Фактически нет явных различий в выборе места погребения, ориентировке погребальных сосудов и сопутствующих материалов. Все это свидетельствует о скромном социальном положении тех, кому принадлежали захоронения. Примечательно, что некрополь Двина, в отличие от некрополей Арташата и Гарни, где рассматриваемая форма погребения выступает наряду с традиционными ящиками из плит, каменными ящиками, грунтовыми погребения-

ми, состоит исключительно из карасных погребений. Отметим также, что случай парного захоронения в одном карасе зафиксирован именно в Двине. Некрополь расположен в районе кафедрального собора, однефной церкви и дворца католикоса - обстоятельство, являющееся серьезным препятствием в выяснении степени густоты погребений. Согласно имеющимся данным погребения размещены неравномерно. Благодаря археологическим работам доказывается факт существования культурного слоя эллинистической эпохи как на холме, так и в центральном квартале, а все новые обнаруживаемые погребения свидетельствуют о существовании в Двине целостного памятника-комплекса. Интересен тот факт, что здесь, как и в городах Месопотамии в парфянскую эпоху, нет четкого разграничения между поселением и некрополем. В античную эпоху было принято хоронить в самом поселении или вблизи него. То же самое имело место и в Армении, в частности, в Арташате и Ширакаване. В рассматриваемый период центральный квартал Двина еще не был отделен водяным рвом от холма и представлял собой непосредственное продолжение поселения. Эта же территория, согласно обычаям того времени, использовалась и в качестве некрополя.

Явные следы заселения в античную эпоху обнаруживаются также в окрестностях холма и даже в близлежащих селах (Норашен, Верхний Арташат, Айгезард, Кахирашен, Верхний Двин, Нижний Двин, Гнаберд, Каначут и др.), однако важнейшая роль принадлежала, конечно, поселению Двина.

Возникновение на эллинистическом слое Двина мощного средневекового города с архитектурными сооружениями исключительно значения, а также существование современных сел делают археологическое изучение памятника весьма отрывочным. Вследствие этого пока не представляется возможным определить четкие границы территории античного поселения Двина и решить ряд топографических вопросов.

Данные археологических раскопок свидетельствуют о том, что античное поселение Двина (включая его окрестности), сформировавшееся в эллинистическую эпоху, продолжало функционировать и в первые века новой эры. И если на холме в силу каких-то обстоятельств жизнь и прекращается (на стратиграфическом разрезе холма хорошо заметны следы большого пожара и разрушений), то

в окрестностях Двина жизнь продолжается, о чем говорят материалы, относящиеся к позднеантичной эпохе.

Глава II. Хозяйство Двина эллинистического периода.

В ходе раскопок в цитадели и городских кварталах обнаружены ценные материалы, связанные с бытом населения, которые дают возможность нарисовать картину хозяйственной жизни, определить характер производственной деятельности рассматриваемого периода поселения Двина, представить уровень его развития, выявить связи с соседними странами, что, в свою очередь, может помочь определить степень применения достижений эпохи.

§ I. Орудия труда. При раскопках найдены зернотерки, ступки, тарапаны. Обнаруженные образцы свидетельствуют о высоком уровне развития в поселении земледелия. О развитии ремесленного производства свидетельствуют образцы гончарных кругов, обнаруженные в эллинистическом слое.

Зернотерки, хотя и уступают более совершенным синхронным образцам, однако функционируют по тому же рабочему принципу — с помощью рычага. Характерно и то обстоятельство, что они появляются именно в античный период. Следовательно, появление рычажных зернотерок в Двине также обусловлено определенным уровнем развития производственной деятельности исследуемого времени. Обнаруженные ступки свидетельствуют об их широком использовании в хозяйственной жизни поселения.

Сопоставление археологических и этнографических материалов позволяет предположить, что тарапаны Двина так же, как и широко известные в античности аналогичные устройства, использовались не только в виноделии, но и для производства растительного масла.

Об использовании в Двине гончарного круга свидетельствуют устойчивые и постоянные формы керамики, зачастую точные повторы, разнообразие варианты одной и той же формы, сложно-профилированные венчики, плавные и соразмерные переходы, стабильные и гармоничные решения узоров и орнаментов. Обеспечивая быстрое и качественное производство, гончарный круг способствовал тому, что в процессе создания сосудов, наряду с

их функциональным назначением, учитывалась и эстетическая сторона, обращалось внимание на художественное оформление. Найденные в Двине и Арташате немногочисленные образцы эллинистических гончарных кругов свидетельствуют о развитии производства керамических изделий в Армении в рассматриваемую эпоху, на определенный уровень которого указывает массовое производство местной керамики.

§ 2. Керамика. Коллекцию эллинистической керамики Двина составляют в основном находки, обнаруженные археологическими раскопками в слоях поселения и в некрополе. Эллинистическая керамика встречается также в слоях средневекового периода, куда она была занесена при строительстве подвалов, закладке фундаментов, устройстве ям. Полностью сохранились лишь немногие образцы керамических изделий, однако на основе обнаруженных фрагментов восстановлены формы почти всех сосудов. Изучение керамики осуществляется на основе анализа двух наиболее существенных ее признаков — формы и орнамента.

По форме все сосуды подразделяются на группы, типы и варианты. Выделены следующие группы керамических сосудов: фляги, кувшины, горшки, сосуды со сливным носиком, карасы, чаны, чаши-фиалы, миски, светильники, блюда, тарелки. Примечательно, что разнообразными типами и вариантами отличаются группы сосудов, которые, как правило, имели большее хозяйственное значение (карасы, горшки, миски). Проведенная классификация позволяет выявить варианты некоторых сосудов, появившиеся на разных ступенях эволюции данной формы (дисковидные и шаровидные фляги, чаши с загнутым вовнутрь тонким венчиком, как с плоским дном, так и с кольцевым поддоном), что дает возможность, четко определив особенности эволюционного развития данных форм, уточнить датировку сосудов.

Результаты морфологического анализа позволяют выделить в двинской коллекции керамики следующие три основные группы. В первую группу входят керамические сосуды, появившиеся в Армении в результате связей и общностей с материальной культурой эллинистического мира (фляги, блюда). Ко второй группе относятся сосуды, форма которых синтезирует глубокие местные традиции и встречные влияния художественных инноваций (ойнохойи,

чаны). Сосуды третьей группы, сохраняя свою традиционную форму, приобретают характерную для эллинистического периода художественную обработку и роспись (миски, кувшины, большая часть типов горшков и т.д.).

Коллекция двинской керамики вновь иллюстрирует генетическую преемственную связь армянской эллинистической керамики с керамикой предшествующих эпох, вскрывая, с одной стороны, традиционную местную основу, с другой — изменения, привнесенные в новый период.

Особого внимания заслуживает фрагмент тонкостенного керамического сосуда, импортированного из эллинистических центров Малой Азии.

Все виды эллинистической керамики Двина, за исключением некоторых (чаны, кувшины, светильники), представлены также и расписными образцами. Последние покрыты разноцветным ангобом светлых тонов и расписаны, как правило, яркими и темными красками, а зачастую и вылощены.

Орнаментальные мотивы расписной керамики по характеру можно разделить на три основные группы: геометрические, растительные и зооморфные. Для рассматриваемой коллекции особенно характерны орнаменты геометрического характера — волнистые полосы, представленные как в простом, так и сложном (в сочетании с орнаментами растительного и зооморфного характера) вариантах. Для росписи использованы краски различных цветов. В зависимости от цветовой гаммы росписи керамические сосуды можно разделить на пять групп: белую, черную, красную, желтую и каштановую. Данные анализа показывают, что при украшении керамических сосудов использовалось как гармоничное сочетание светлых и темных тонов одной цветовой группы, так и контрастные сочетания цветовых оттенков различных групп. Особенно часто встречается красная и черная роспись на оранжевом фоне.

Детальный анализ формы и орнаментовки рассматриваемой керамики показывает, что каждый орнамент выступает на сосуде и как отдельный элемент или мотив, и в сочетании с другими орнаментами, создавая тем самым композиционную взаимосвязь и усиливая художественную ценность сосуда. Вместе с тем каждый

Орнамент, независимо от своего характера, получает завершенное композиционное решение в той части сосуда, которая с точки зрения формы наиболее подчеркнута. Так, во флягах этой частью является центр вздутого тулова, в карасах — тулово, в чашах-флягах — высокие борта, в мисках — края венчика и т.д. Если определенная форма сосуда делает более выразительным орнамент, то в то же время сам орнамент подчеркивает именно данную форму. В реализации этой взаимосвязи важную роль играет и избранная цветовая гамма. Следовательно, композиционное решение орнамента имеет не только художественное назначение, оно призвано сделать выразительной форму сосуда, а последняя, в свою очередь, раскрывает его прикладное значение. Каждый сосуд, таким образом, предстает в неразрывном единстве формы, орнамента, цветовой гаммы и прикладного значения. Керамические сосуды Двина в единстве именно этих признаков соотносятся с керамикой эллинистической эпохи Армении, составляя органическую часть последней, что предоставляет возможность выявить общие черты и с аналогичной расписной керамикой эллинистического мира.

Изучение материала позволяет отметить огромное влияние на двинскую керамику древнейшего эллинистического центра — Армавира, а также такого крупного центра производства керамики во II-I вв. до н.э., как Арташат. Однако, наряду с многочисленными общими чертами, как в форме, так и в орнаменте керамики Двина выявляются особенности, указывающие на ее самобытность. В коллекции Двина имеются некоторые образцы, не встречающиеся в других эллинистических центрах керамики Армении, на примере которых более очевидно проявляется своеобразие двинской керамики. Следует отметить более ранний образец расписного блюда с кольцевым поддоном, расписные карасы с "бычьеголовыми" ручками, расписные фляги с изображениями птиц. Свообразие проявляется также в ряде особенностей росписи и цветового решения.

Весь рассматриваемый материал датируется II-I вв. до н.э. благодаря наличию археологического слоя данного времени и синхронного ему некрополя, а также выявлению связей и общностей с аналогичной керамикой Армении (особенно Арташата) и эллинистического мира.

§ 3. Украшения, геммы, монеты. В карасных погребениях некрополя Двина эллинистической эпохи обнаружены браслеты, кольца, серьги, булавки, пуговицы, а также бусы и геммы. Простые украшения из бронзы, а иногда и из серебра низкой пробы в большом количестве найдены в однотипных погребениях Арташата, Гарни и Ошакана. Эти украшения, встречающиеся в достаточно широких хронологических пределах, не могут служить для точной датировки рассматриваемых погребений. С этой точки зрения важное значение имеют бусы. Обнаружено множество самых разнообразных бус, изготовленных из полудрагоценных камней (сердолик, халцедон, яшма, гагат), металла (бронза), стекла и иных материалов (глина, известняк, кость), а также из сочетания разных материалов (например, стеклянные бусы с внутренней позолотой). Бусы в основном имеют простую геометрическую форму — шаровидную, цилиндрическую, бочковидную, округлую, дисковидную, линзовидную, бикононическую, квадратную; встречаются и образцы более сложной формы — каплевидные, стрелковидные, скарабеи и т.д. Часть бус из полудрагоценных камней, по всей вероятности, местного происхождения, поскольку, как установлено, близереванская пестроцветная толща, простирающаяся от села Джрвез до Веди, содержит халцедон, яшму, а возможно, и сердолик. Разнообразие видов и форм каменных бус, а также качество их шлифовки свидетельствуют о высокой технике обработки камня. Отдельную группу составляют бусы из стекла и стеклянной пасты, которые как по своей форме, так и по окраске (желтоватые, голубые, бирюзовые, синие, черные) поразительно схожи с бусами эллинистической эпохи, обнаруженными не только в карасных погребениях Армении (Гарни, Ошакан), Азербайджана и Грузии, но и в поселениях и погребениях Северного Причерноморья.

Таким образом, украшения, обнаруженные в карасных погребениях некрополя Двина, предоставляют в распоряжение исследователей немало заслуживающих внимания фактов. Хотя вышеописанная коллекция и небогата, тем не менее форма, отдельные детали, качество обработки собранных в ней экземпляров чрезвычайно характерны для карасных погребений эллинистической эпохи. Образцы, найденные в отдельных карасных погребениях Двина, не отличаются друг от друга — обстоятельство, не только предоставляю-

щее возможность для общего анализа всего археологического материала, но и безоговорочно подтверждающее принадлежность некрополя Двина к определенному историческому периоду. Датировка рассмотренного выше материала дополнительно аргументирует отнесение некрополя Двина к памятникам II—I вв. до н.э. Предложенная датировка подтверждается керамикой и глиптикой, обнаруженными в карасных погребениях того же некрополя.

Из трех найденных гемм две представляют собой многогранники, одна — скарабеоид. Заслуживает внимания носящее традиционный характер изображение на скарабеоиде. Здесь в противоборстве выступают абсолютно идентичные герои, которые своей конфигурацией, общим стилем изображения, абстрагированными обобщенными чертами, особо подчеркнутыми руками и относительно короткими ногами, напоминают обнаруженные в Сюнике наскальные рисунки, которые считаются изображением божественных близнецов. Изображения близнецов, имевшие магические функции, появляются в Армении начиная со II тысячелетия до н.э. Они встречаются в наскальных рисунках Сюникских и Тегамских гор, памятниках прикладного искусства. По всей вероятности, на двинской гемме изображены близнецы, представленные в противоборстве. Сюжет двинской геммы перекликается со сценой столкновения близнецов-героев Санасара и Багдасара в армянском народном эпосе "Сасна црер". Таким образом, изображение на рассматриваемой гемме имеет глубокие традиционные местные корни. Геммы, как известно, использовались не только как печати, но и как украшения и амулеты от "дурного глаза". Двинская гемма с изображением магического характера также объединяла в себе, по всей вероятности, функции печати — амулета.

Сюжеты поединка между всадником и пешим воином, изображенные на многогранных геммах Двина, также построены на бинарной оппозиции. Гордая осадка всадника, поза коня с широко раскрытой пастью (на одном из многогранников всадник изображен в сопровождении собаки, также нападающей на врага) не оставляют сомнения в победе всадника. По всей вероятности, в этом сюжете отражен ставший эпическим мотив древней легенды, согласно которой герой, сидящий верхом на коне, а иногда и в сопровождении собаки (что еще более подчеркивает его преиму-

щество) выступает как справедливый и правый защитник родной земли. По мнению специалистов, в близких сюжетах "греко-персидских" гемм всадник олицетворяет героя-перса, а пеший воин - чужеземца (грека, скифа, ликийца). Следовательно, идеологическая основа данного сюжета оформилась, по всей вероятности, в персидской среде или же в странах, находившихся под культурно-политическим влиянием Персии. Однако "греко-персидские" геммы V-IV вв. до н.э. (т.е. ахеменидского периода), созданные в "смешанном" стиле, в отличие от двинских гемм, во-первых, изготовлены особым способом (с помощью круглого сверла-рундперля), во-вторых, носят отпечаток определенных этнографических особенностей (герои изображены в восточном персидском одеянии, кони - с завязанными в узел хвостами, большей частью с вытянутыми в галопе крупами). Между тем, на двинских геммах изображения воинов и животных сильно стилизованы, абстрактны, здесь даны лишь их общие контуры. В этих изображениях подчеркнут и выделен лишь какой-либо один элемент, существенный для данного сюжета, к примеру, неестественно широко раскрытая пасть лошади, столь же неестественные острые бородки и длинные носы воинов, бесформенные головы, тела, изображенные без обозначения одежды. Здесь фактически получают свое выражение местные художественные принципы. Примечательно, что сюжеты этих гемм разработаны согласно тем стилистическим принципам, которые отражены в более обобщенном и схематичном виде также и на некоторых геммах европейских коллекций. Их изучение (в совокупности с хронологическими и географическими факторами) привело английского ученого Дж.Бордмана к выводу о принадлежности стилю гемм к группе "греко-персидских", но выполненных в стиле, относящемся к последующему в хронологическом отношении. Этот стиль, согласно Бордману, испытал на себе незначительное греческое влияние и особенно характерен для многогранных гемм восточного региона. Таким образом, он считает рассматриваемый стиль постахеменидским, перешедшим, вероятно, и в македонскую эпоху. Действительно, те же типы могли по традиции использоваться и в хронологически более поздний период, но в такой обобщенной, схематической и условной реконструкции стиля, как это мы наблюдаем в вышеупомянутых европейских и най-

денных в Двине геммах. Это обстоятельство, равно как и археологические аргументации, позволяющие отнести наши находки к более позднему периоду, а также особенности и аналогии, выявленные при анализе стилей ахеменидских и двинских гемм, дают основания датировать найденные в Двине геммы эллинистическим периодом. Фактически в постахеменидских геммах европейской коллекции и геммах из Двина продолжают "греко-персидские" традиции. Однако названные геммы выступают как явление, порожденное выразительными принципами последующей эпохи и соответствующей географической среды.

В процессе археологического изучения поселения Двина на территории города были обнаружены монеты Филиппа III Арридея (323-317 гг. до н.э.) и Тиграна II (95-55 гг. до н.э.), освещающие хозяйственную жизнь городища в эллинистический период. Обнаруженные в Армении монеты Филиппа III Арридея были отчеканены в Вавилоне, Магнезии и Колофоне. Указать реальные хронологические рамки функционирования этих македонских монет трудно, поскольку они использовались в денежном обращении вплоть до I в. до н.э. Тем не менее можно констатировать, что эллинистический этап денежного обращения Армении в совокупности его внешних и внутренних связей приобретает масштабы международной торговли, в особенности, благодаря монетам, отчеканенным Тиграном II. Обнаруженная в Двине монета Тиграна II является серебряной драхмой - наиболее распространенной монетой этого царя. Эти монеты являются материальным свидетельством связей самого разного характера, существовавших между Арменией и Ближним Востоком.

Монеты, характерные для эллинистического этапа денежного обращения Армении, свидетельствуют об обширных торгово-экономических связях Арташата и его окрестностей.

Глава III. Двин в первых веках новой эры.

Изучение поселения античной эпохи Двина со всей определенностью выявило археологический слой, относящийся ко II-I вв. до н.э. и являющийся новым подтверждением того, что рассматриваемое поселение прекратило свое существование в результате политических событий, имевших место здесь в середине I в.н.э. На исследованных участках отсутствуют археологические слои

I—IV вв. н.э. Однако из окрестностей Двинского холма известны случайные находки, относящиеся к первым векам новой эры (архитектурные фрагменты, алтарь, головы каменных статуй, стеклянные изделия, монеты и т.д.), которые показывают, что жизнь в поселении возобновилась.

Будучи в постоянных политических и культурно-исторических контактах с различными странами, Армения воспринимала характерные для того времени архитектурные формы и перерабатывала их, придавая местные самобытные черты. В этом аспекте особого внимания заслуживают обнаруженные в Двине "аттические" базы колонн ионического ордера, каннелированный фуст и каменный солен, соотносящийся с аналогичными соленами языческого храма Гарни. Наличие архитектурных фрагментов, характерных для данного времени, показывает, что в Двине в первых веках новой эры существовали постройки, отвечающие строительному искусству и технике этой эпохи.

Вопрос о том, следует ли считать раннесредневековый кафедральный собор Двина языческого происхождения (вопрос который, кстати, актуален и для характеристики поселения первых веков новой эры), требует серьезного и глубокого изучения. Это весьма важная культурно-историческая проблема, связанная с вопросом строительства храмов в античную эпоху в целом. В армянских средневековых источниках сохранились ценные свидетельства о существовании в Древней Армении языческих храмов, большинство которых было уничтожено в период распространения христианства. Однако некоторые из них были превращены в христианские церкви. По свидетельству Фавстоса Бузанда (IV в.), языческие храмы освящались и без каких-либо изменений превращались в центры христианского культа. Они возводились и на местах некоторых разрушенных языческих храмов, причем, по свидетельству раннесредневекового историка Зеноба Глака, планировочная композиция последних (прямоугольная удлиненная планировка) принималась в качестве основы и для христианской церкви. Таким образом, вышеизложенные доводы позволяют предположить, что ряд ранних средневековых церквей (в том числе, вероятно, и двинский собор) имели языческое происхождение. Тем не менее для окончательного решения проблемы языческого происхождения

кафедрального собора св. Григора еще не имеется достаточных доказательств как археологического, так и архитектурного порядка.

Среди материалов, относящихся к культовой жизни поселения Двина античной эпохи, выделяется обнаруженный на территории города базальтовый четырехгранный алтарь. По форме и по размерам он близок к широко распространенным на обширной территории Римской империи аналогичным памятникам. Тщательный анализ рельефных изображений алтаря (на одной стороне изображен выпуклый диск с круглой выемкой в центре; на обратной стороне — птица на пьедестале; на третьей стороне — голова быка с рогами в виде полумесяца; на четвертой — скорпион с *testiculo* в щупальцах) приводит к выводу, что он посвящен богу Митре и относится к римской эпохе. То обстоятельство, что в Двине обнаружен алтарь, созданный по подобию римских аналогов, свидетельствует о существовании здесь святилища, посвященного культу Митры. Известно, что в этот период алтари рассматриваемого типа были, в основном, передвижными, что делалось в целях удовлетворения религиозно-культовых потребностей войск. Представляется вероятным, что в период правления императора Траяна (98—117 гг.), когда Армения была провозглашена римской провинцией (114 г. н.э.) и в Арташате стояли войска отрядов I Итальянского и IV Скифского легионов, Двин, занимавший господствующее стратегическое положение в этом районе, несомненно, привлек к себе особое внимание. Вероятно, в Двине располагался сторожевой пункт одного из римских легионов, в святилище которого и был установлен алтарь, посвященный Митре. Обнаружение алтаря, посвященного Митре и созданного по типу римских аналогов, открывает новые пути в области исследования армяно-римских культурно-исторических взаимосвязей.

Если до сих пор Армения включалась в ареал культа Митры лишь на основе свидетельств средневековых источников, устных народных преданий, топонимики, собственных имен, пережитков древних обычаев, то сегодня благодаря обнаруженному в Двине алтарю это подтверждается неопровержимым свидетельством материальной культуры.

С культом предков связываются обнаруженные в Двине головы каменных статуй, по стилю и технике исполнения напоминаю-

щие ранние памятники I тыс. до н.э. Особое место в группе древнейших памятников занимает голова статуи из серого туфа. Как морфологически, так и в художественном отношении это более завершенное произведение. Сходство головного убора этой статуи с "армянской тиарой" царской династии Арташесидов и общая иконографическая связь со скульптурами святилища Немрут-дага в Коммагене, по всей вероятности, свидетельствуют о живучести народных художественных традиций, бытовавших на протяжении многих веков - начиная с I тысячелетия до н.э. вплоть до первых веков новой эры. Отметим также, что мнение о существовании в Армении традиционного местного направления скульптуры античной эпохи, представленного рассматриваемыми аналогичными по стилю памятниками, имеет довольно реальную основу. Об этом свидетельствуют результаты раскопок, проведенных за последние годы в Ширакаване, где в датированных I в. до н.э. - I в. н.э. и III в. н.э. слоях были обнаружены головы статуй, изваянные в том же архаическом стиле.

Во время земляных работ на территории Двина (с.Верхний Арташат) случайно было обнаружено карасное погребение. В карасе найдены стеклянные сосуды - яйцевидный флакон с рельефными орнаментальными поясками, флакон со вздутым туловом и двумя ручками на низком кольцевом поддоне, бальзамарии с вынутым туловом, которые были импортированы из Сирии в I-II вв.н.э. Эта небольшая коллекция весьма характерна для рассматриваемого периода. Большая часть стекла Армении I-II вв. импортирована именно из центров стеклоделия Ближнего Востока, и особенно Сирии (Сидон, Дура-Европос). Коллекция стеклянных сосудов из Верхнего Арташата отражает присущие эпохе технологические приемы стеклоделия - свободное выдувание и вдувание в форму. Появление сирийского стекла в Двине следует считать результатом торгово-экономических и культурных связей Арташата.

Обнаруженная здесь небольшая коллекция монет римских императоров Августа Октавиана (30 г. до н.э. - 14 г. н.э.), Домициана (81-96 гг.), а также боспорских царей Рискупорида II (68-92 гг.н.э.), Рискупорида VI (318-332 гг.н.э.) также имеет отношение к торгово-экономической жизни поселения Двина первых веков новой эры. В отличие от римских денариев монеты Боспор-

ского царства не были характерны для денежного обращения Армении, где найдены лишь отдельные их образцы. Боспорские монеты из Двина относятся к абсолютно разным (как в политическом, так и экономическом отношении) периодам истории Боспорского царства. Эта маленькая коллекция монет Боспорского царства очерчивает северные торговые пути Армении.

Вышеупомянутые археологические находки являются лишь отголосками второго этапа истории античного Двина, составить достаточно целостную картину о котором не позволяет недостаток фактического материала. Тем не менее имеющиеся материалы осмыслиются и надлежащим образом оцениваются в свете дошедших до нас исторических сведений. Новое научное осмысление получает выдвинутая М.В.Минорским гипотеза, согласно которой проводится параллель между армянским топонимом Двин, что по свидетельству Мовсеса Хоренаци означает "холм" ("...который по-персидски называется Двин, что значит "Холм")¹, и названиями ряда искусственных холмов в Гиркании и Аставене Двин (Дуин, Давин), расположенных на юго-восточном берегу Каспийского моря. В Аставене находилось святилище Асаак, где впервые был провозглашен царем основатель Парфянского царства Аршак и где в его честь хранился вечный огонь. Следовательно, согласно В.М.Минорскому, топоним Двин был привнесен в Армению в период правления Аршакидов в качестве культурно-технического термина. С.Т.Еремян, исходя из гипотезы М.В.Минорского и "Географии" VII века Анании Ширакаци (Ашхарацуйц), в которой упоминается святилище Двин-Асаак, расположенное на востоке Парфянского царства, считает, что Тиридат I (63-88 гг.), следуя примеру парфянских предков, освящает свое воцарение на престол основанием в северо-восточном предместье столицы Арташат святилища Двин-Асаак. Таким образом, "Дуин-Двин" - это культурно-технический термин, связанный с господством Аршакидов и с иранской культурно-исторической средой. Следовательно, Мовсес Хоренаци - отец армянской историографии не случайно приклеивает на топоним Двин "персидский" ярлык. Исходя из вышесказанного, под топонимом Двин следует понимать прежде всего искусственный холм (=крепость)

¹ История Армении Моисея Хоренского, Новый перевод Н.О.Эмина. М., 1893, с.148.

оборонительной системы (какие имелись в Гиркании) и затем религиозно-культурный комплекс, каковым являлся Асаак (где короновался первый царь династии Аршакидов). Изучение свидетельств армянских историков о Двине убеждает в том, что понятия "Двин" и "Холм" были тесно связаны: в одном случае (Фавстос Бузанд, Товма Арцруни) холм называли Двином, в другом (Мовсес Хоренаци, Вардан Барцбердци) - понятия "Двин" и "Холм" выступали как лексические или топонимические синонимы (одно - на персидском, другое - на армянском языке) и взаимозаменялись.

Любопытно, что название "Асаак" сохранилось в армянской действительности для обозначения 17-го дня по древнеармянскому календарю. Это обстоятельство также связано с деятельностью Тиридата I. Следует отметить, что по древнеармянскому календарю наименования большинства дней связывались с языческими богами и местами их культа.

Приведенные выше сведения, сохранившиеся в различных источниках, позволяют сделать следующий вывод: новые владыки Армении - Аршакиды, следуя традиции своей исконной родины Парфии, по аналогии с местностями в Гиркании, названия которых были образованы при помощи термина "Двин", обозначающего искусственный холм оборонительной системы со своими религиозно-культурными комплексами, назвали древнюю местность, осмысливаемую как священный холм и превращенную ими в важный оборонительный и культовый центр, культурно-техническим термином "Двин". Вероятно, в период широкого распространения христианства Двин, ставший центром нового вероисповедания и резиденцией армянских католикосов, навсегда предал забвению свое языческое название - Асаак.

Эти выводы получили бы дополнительное подтверждение с выявлением археологического слоя первых веков новой эры, равно как и главного храма - святилища "Двин-Асаак". Тем не менее нельзя игнорировать как материальные свидетельства первых веков новой эры, так и факт существования единственного в Армении холма под названием Двин и сохранения в армянской действительности наименования "Асаак". Они не только выявляют неизвестные важнейшие этапы жизни античного поселения Двина, но и открывают новые и чрезвычайно интересные области исследо-

вания армяно-иранских и, в частности, армяно-парфянских культурно-исторических взаимосвязей.

Заключение. Результаты изучения археологического слоя и материальной культуры Двина античной эпохи показывают, что здесь начиная со II в. до н.э. существовало поселение со своим некрополем. Вероятно, в этот период развернутого градостроительства и, в частности, в связи с основанием столицы Арташат был по достоинству оценен и холм Двина, привлечший внимание благодаря своему благоприятному географическому расположению. Учитывая особенности рассматриваемого исторического периода, представляется вполне естественной необходимость создания опорных пунктов обороны и сообщения в непосредственном тылу новой столицы и упрочения взаимосвязей между ними и царской резиденцией. Археологические исследования показывают, что на северо-востоке Арташат был окружен довольно мощным поясом поселений оборонительного назначения, которые были размещены на территории современных сел Дитак, Норашен, Какцрашен. Эллинистический Двин, возникший как звено оборонительного пояса, приобрел облик поселения городского типа, о чем свидетельствует высокий уровень развития материальной культуры.

Изучение археологических материалов позволяет воссоздать картину экономической и культурной жизни эллинистического поселения. Обнаруженные в Двине материалы, связанные с сельскохозяйственным производством (зернотерки, ступки, тарапаны, большие и емкие карасы, сосуды со сливным носиком для молока, большие чаны), свидетельствуют о земледельческом характере поселения.

Сохранились также материальные свидетельства ремесленного производства. Уникальные образцы используемого в рассматриваемый период гончарного круга свидетельствуют о росте и определенном уровне развития керамического производства, что обусловило массовое производство в Двине высококачественной местной керамики.

Особое место в различных областях материальной культуры поселения занимала обработка камня. Камень - базальт, порфирит, туф, белый песчаник - широко использовался в хозяйстве и быту (тарапаны, зернотерки, ступки, диск гончарного круга, торовид-

ные и "аттические" базы колонн, солен, каннелированный фуст, алтарь, головы статуй, бусы и т.д.).

Обнаружены также многочисленные украшения, изготовленные из металла и стеклянной пасты.

Поселение Двина, находясь вблизи от важнейшего перекрестка международных торговых путей, должно было хоть в какой-то мере быть вовлеченным в сферу этой торговли. Об этом свидетельствуют обнаруженные на территории города монеты (Филиппа III Арридея, Тиграна II, Августа Октавиана, Домициана, а также Рискупорида II и Рискупорида VI), отражающие картину денежного обращения в рассматриваемое время, а также стеклянные флаконы, импортированные из центров стеклоделия Восточного Средиземноморья. Эти факты показывают, что Двин действительно был в какой-то степени вовлечен в сферу торгово-экономической жизни Арташата.

В Двине обнаружены также археологические материалы (алтарь, посвященный богу Митре, головы каменных статуй, "бычьеголовые" ручки расписных карасов и т.д.), с помощью которых частично восстанавливается и картина культовой жизни поселения.

Ценные результаты дает исследование некрополя Двина. Общий анализ археологических материалов, добытых в относящихся к эллинистической эпохе карасных погребениях Двина и Арташата, как и материалов, найденных в поселении и связанных с различными сферами материальной культуры, подтверждает, что все они относятся к одной эпохе и отражают характерные для своего времени социально-экономические общности и связи, а также выявляют уровень развития общественных отношений. Это объясняется тем, что упомянутые памятники как в территориальном, так и в экономическом и политическом отношении представляли один и тот же регион. Это явление очень метко охарактеризовано К.Марксом: "В античном мире город с принадлежащими ему землями является экономическим целым"¹.

Весной 59 г. Арташат был разрушен римским полководцем Корбулоном. Та же судьба была уготовлена процветающему и благоустроенному Двину, доказательством чего служит наличие ар-
I Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.46, ч.1, с.471.

хеологического слоя этого периода со следами больших пожаров. Этими политическими событиями и завершается первый этап жизни античного поселения Двина, который согласно археологическим данным охватывает период со II в. до н.э. до середины I в.н.э.

Второй этап жизни античного Двина должен охватывать период с момента его восстановления (по-видимому, I в.н.э.) до IV в. н.э., когда царь Хосров Котак (332-338 гг.) перенес свой двор из Арташата в Двин. Тиридат I, развернувший активную деятельность по восстановлению Арташата, превратившегося в еще более великолепный и роскошный город, и благоустройству Гарни, не мог обойти вниманием и тесно связанное с Арташатом полностью сожженное и разрушенное поселение городского типа Двина, которое к тому же выступало как связующее звено между двумя царскими резиденциями. В этой связи не случайно, что именно с деятельностью основателя династии Аршакидов - Тиридата I связывается вопрос о происхождении святилища Двин - Асаак. К сожалению, недостаток археологического материала не позволяет яснее осветить вопросы, касающиеся второго этапа жизни поселения Двина.

Вышесказанное приводит нас к следующему общему заключению.

Начало заселения территории Двина относится к III тысячелетию до н.э. В X-VIII вв. до н.э. здесь существует важный культурный и ремесленный центр. Временно прерванная в VIII в. до н.э. жизнь вновь возродилась в эллинистический период, точнее, во II в. до н.э., одновременно с основанием столицы Арташат и крепости Гарни - летней резиденции армянских царей.

То обстоятельство, что поселение городского типа Двина было расположено на пути, ведущем из столицы Арташат в летнюю резиденцию Гарни, уже само по себе наводит на мысль об общей политической судьбе поселения с этими двумя античными памятниками. По всей вероятности, одновременно с восстановлением Арташата и Гарни, которые в I в.н.э. были разрушены римлянами, возрождается жизнь и в Двине (если и не на самом холме, то, по крайней мере, в его окрестностях).

Двин является одним из тех выдающихся древнейших культурно-исторических центров Армении, которые функционировали почти

непрерывно, начиная с глубокой древности и до поздних времен; археологические слои этих памятников сохранили признаки, характерные для истории и культуры каждой эпохи, что подтверждает факт длительного и непрерывного развития культурной жизни на Армянском нагорье.

Основные положения диссертации опубликованы в следующих работах:

1. Керамика Двина эллинистической эпохи. - Вестник общественных наук АН Арм.ССР, 1974, №5, с.82-97. - На арм.яз.
2. Каменный солен из Двина. - Вестник общественных наук АН Арм.ССР, 1974, №II, с.102-105. - На арм.яз.
3. Культура Двина античного времени. - В кн.: XIV международная конференция античников социалистических стран "Эйрене": Тез.докл. Ереван, 1976, с.209-210.
4. Жертвенник античной эпохи из Двина. - Историко-филологический журнал АН Арм.ССР, 1977, №2, с.280-286. - На арм.яз.
5. Тарапан производственного значения, обнаруженный в Двине. - Вестник общественных наук АН Арм.ССР, 1978, №2, с.95-98. - На арм.яз.
6. Двин в античный период. - Историко-филологический журнал АН Арм.ССР, 1979, №2, с.272-277. - На арм.яз.
7. Кувшинные погребения эллинистической эпохи Двина. - В кн.: Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в Армянской ССР (1977-1978 гг.). Ереван, 1979, с.38-39. - На арм.яз.
8. Раскопки Двинской экспедиции. - Археологические открытия 1978 года. М., 1979, с.521. Соавторы: А.Калантарян, Н.Акопян, А.Жамкочян, Ф.Бабаян.
9. Некрополь эллинистической эпохи в Двине. - Историко-филологический журнал АН Арм.ССР, 1980, №2, с.277-285. - На арм.яз.
10. Гончарный круг античной эпохи из Двина. - В кн.: IV конференция молодых ученых, посвященная 110-летию В.И.Ленина: Тез.докл. Ереван, 1980, с.8-9. - На арм.яз.

11. Гончарные круги античной эпохи из Двина. - Вестник общественных наук АН Арм.ССР, 1980, с.79-82. - На арм.яз.
12. Новые материалы эллинистического поселения Двина. - В кн.: Научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований в Армянской ССР (1981-1982 гг.): Тез.докл. Ереван, 1983, с.25-26. - На арм.яз.